

ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ В РОМАНАХ Г. БЁЛЛЯ

А.А. ЯЦЕНЮК, И.Ф. НЕСТЕРУК

БРЕСТ, БРГУ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Немецкий писатель Генрих Белль — крупнейший представитель европейской литературы XX века. Белль является одним из наиболее ярких представителей западногерманской литературы, важнейшей чертой которой стала прочная взаимосвязанность тематических и нравственно-эстетических комплексов, касающихся войны.

Война предстает в литературе ФРГ как общественно-политический феномен, играющий исключительно важную роль в человеческой культуре, который переживается всей нацией и который предопределил творческий путь многих немецких писателей послевоенных лет.

Междисциплинарное применение термина «концепт» обусловило появление различных определений. В качестве рабочего нами может быть принято определение, сформулированное Д. С. Лихачевым, который трактует концепт как «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [1, с. 281].

В структуре концепта выделяют внутреннюю форму, ядро, актуальный слой. Внутренняя форма складывалась исторически, она включает в себя этимологические, исторические и ассоциативные признаки. Ядро концепта связано с его словарным значением и включает в себя познавательный потенциал. Актуальный слой концепта передает непосредственную реакцию зрителя, слушателя и читателя на понятия и представления, воплощенные в концепте [2, с. 67]. Смысловые наращения актуального слоя приводят к изменению и эволюции концепта в целом.

Внутренняя форма и ядро концепта «война» оформились достаточно четко. Под внутренней формой и ядром концепта «война» мы будем понимать «крупный продолжительный конфликт между политическими образованиями (государствами, племенами, политическими группировками и т.д.), происходящий в форме боевых действий между их вооружёнными силами».

Для анализа в структуре актуального слоя концепта «война» нами выделена, прежде всего, его образная система, включающая в себя образы милитаристов, фашистских преступников и их молчаливых пособников, т.е. всех тех, кто обслуживал гитлеровскую диктатуру или просто принимал ее. Им противопоставлены образы добрых и честных людей, не желающих мириться с несправедливостью. В рамках проблематики взаимоотношений человека и войны, которую раскрывает данный концепт, мы выделяем в первую очередь проблему бессмысленности и бесчеловечности войны,

проблему ответственности за попустительство фашизму и проблему «непреодолимости военного прошлого», а также проблему искупления вины.

В творчестве Г. Белля с помощью биографического метода устанавливается своеобразие философско-эстетических, нравственно-идеологических взглядов писателя, составляющих основу его мировоззрения, и указываются особенности актуального слоя концепта «война», которые данными аспектами обуславливаются.

В каждом из своих произведений автор достигает вершин психологического анализа. Один из наиболее интересных романов Генриха Белля — «Глазами клоуна». Действие романа происходит в середине 40-х годов XX века. Это внутренний монолог главного героя — Ганса Шнира, циркового артиста, вспоминающего о своем военном детстве и о послевоенной юности. Речь Ганса пестрит кавычками, в них забраны переименованные, ошельмованные ханжеской общественной моралью понятия, герой не рискует назвать любовь любовью, он говорит «это», потому что другие называют любовь не иначе как «плотским вожделением», мир переполнен словесными клише, искажающими действительность. Все позитивные опоры беллевского мира в этом романе преданы и проданы: героя покинула возлюбленная, привычный быт утрачен, у героя кончаются сигареты, на исходе кофе, его окружают голые, кирпично-коричневого цвета стены чужой квартиры, подаренной ему миллионером отцом без права продажи и обмена, герой безнадежно теряет форму и пребывает в состоянии истерического раздора с окружающим миром.

Беда Ганса Шнира не только в том, что он рос в фашистской Германии, не в том, что его оставила любимая и не помогли близкие. Беда клоуна также в том, что он талантлив и поэтому очень остро ощущает несовершенство окружающей действительности. На самом трагическом изломе своей жизни, в момент предельного одиночества, изверившийся в религии, святости семейных уз, возможности человеческого взаимопонимания, Ганс Шнир оформляет свой последний протест: садится с протянутой шляпой на ступеньках боннского вокзала и поет пародийный куплет. Тема «непреодоленного прошлого» вступает в многозначительное соприкосновение с темой «шута»: здесь бунт против этого мира осознается как трагическая клоунада.

Ганс — хороший психолог, ему понятны мотивы человеческих поступков. Он видит все изменения, которые происходят в стране и как эти изменения влияют на людей. Однако, Ганс Шнир, вряд ли сможет забыть свое детство в нацистской Германии. Обзванивая всех, Ганс вспоминает свою жизнь: богатства и бедность, радость и печаль, потери и обретения. *«Ich dachte an all die Menschen, die uns geholfen hatten, während sie zu Hause auf ihren Scheißmillionen herumhockten, mich verstoßen hatten und ihre moralischen Gründe genossen»* [3, с. 213]. И через воспоминания о детстве

и о его сестре Генриетте, которая вскоре погибла на войне, прослеживается в романе тема войны, к которой писатель возвращается вновь и вновь. «...als ich meine Mutter noch einmal ansah, sagte sie mit ihrer sanften Stimme: «Du wirst doch einsehen, dass jeder das Seinige tun muss, die jüdischen Yankees von unserer heiligen deutschen Erde wieder zu vertreiben» [3, с. 30]. Ганс ненавидит свою мать: она неискренна, скупа, а главное — привыкла подчиняться господствующей в обществе идеологии, какой бы она ни была. Мать собственноручно отправляет свою родную шестнадцатилетнюю дочь на смерть, на войну. В этом Г. Белль показал весь парадокс, бесчеловечность нацизма, который в умах немецких людей перевернул все общечеловеческие ценности с ног на голову. Именно поэтому Ганс Шнир в романе повторяет одну и ту же фразу: «Seit dem Tod meiner Schwester Henriette existieren meine Eltern für mich nicht mehr als solche» [3, с. 27].

Писатель подмечает в немецком послевоенном обществе еще одну черту: те же самые люди, которые совсем недавно, во время войны, самой лютой ненавистью ненавидели всех евреев и все делали для их уничтожения, то после войны, когда не стало фюрера и прошел Нюрнбергский процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии за преступления против мира и человечности, они просто сказали, что «история открыла им глаза» и они раскаялись в «политических ошибках» [3, с. 251]. В самой последней главе романа «Глазами клоуна» писатель делает свое заключение, свой вывод о веке, в котором он живет: «Wenn unser Zeitalter einen Namen verdient, müsste es Zeitalter der Prostitution heißen» [3, с. 329].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под. общ. ред. В.П. Нерознака. — М. : Academia, 1997. — 299 с.
2. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, Э.И. Кирнозе. — Нижний Новгород : НГЛУ, 2003. — 128 с.
3. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. — СПб. : КАРО, 2009. — 352 с.